

Тамара КОЛЕСНИК-ДОБРИНСКАЯ

Красноярск

Тамара Филипповна Колесник-Добринская — член Союза журналистов России. Профессиональная деятельность связана в основном с газетой «Енисейская правда». В Лесосибирске редактировала газеты «Сибирский город» и «Лесосибирск-7», была редактором регионального фотоиллюстрированного журнала «Откровение», писала очерки о творческих людях земли енисейской. В 2014 году вышла в свет первая книга очерков «С верой, надеждой, любовью». В последние годы публикует очерки и рассказы в альманахах «Русло» и «Новый Енисейский литератор». Дипломант «НЕЛ» в номинации «Очерк, публицистика» за 2017 год и в номинации «Проза» за 2019 год, победитель конкурса короткого рассказа за 2022 год.

МЕСЯЦ В ДЕРЕВНЕ

Сбылась моя детская мечта: первый шаг к профессии школьной учительницы я сделала — поступила в Енисейский педагогический институт на историко-филологический факультет. В конце августа мы с подружкой-одноклассницей Галкой Канкеевой прилетели в аэропорт Енисейска, сели в автобус и от автовокзала прямо с чемоданами направились в институт, надеясь получить места в студенческом общежитии. Но в деканате нам объяснили: общежитие предоставляется только сиротам и материально необеспеченным абитуриентам. Нас, видимо, причислили к зажиточным и предложили в течение суток найти съёмную квартиру, а уже через день, взяв необходимые для работы в колхозе вещи, явиться к девяти часам утра на сборный пункт во дворе института.

Квартиру мы нашли в тот же день — в длинном коридоре на доске объявлений было несколько адресов, часть уже была зачёркнута, мы выбрали адрес на улице Ленина, дом номер один. Хозяйка, представившаяся как тётя Амалия, показала, куда сложить вещи в комнате, принесла постельное бельё, подогрела на электроплитке чай, положив в эмалированные кружки по кусочку сахара. Мы были рады — с утра во рту, как говорится, маковой росинки не было. Да и с местом для ночлега так удачно всё получилось. Вымыли

под умывальником кружки, предупредили хозяйку и пошли знакомиться с городом. Вернувшись с прогулки, усталые и довольные, оставшись вдвоём в своей комнате, поужинали взятыми из дома бутербродами и варёными яйцами.

Спали мы с Галкой на широкой кровати, потому что вторую такую же кровать, на которой ещё и матраса не было, будут занимать две студентки из педучилища. Эти жилички уже уехали на уборку картофеля в соседний колхоз, оставив под кроватью свои чемоданы. Следующий день мы посвятили обследованию местности: нашли магазин, где купили кое-что из продуктов — макароны, банку свиной тушёнки, кабачковую икру, соль и сахар. Ведь когда приедем из колхоза, надо будет хоть что-то приготовить из еды. Уже к вечеру нашли самый короткий путь до института, решив, что двадцати минут быстрым шагом вполне хватит, чтобы не опаздывать на занятия...

На следующее утро к назначенному часу мы с одной сумкой на двоих подошли к ожидавшим около института автобусам. Так сказать, молодая рабочая сила в помощь труженикам сельского хозяйства. А сила эта — в основном семнадцатилетние девчонки и пятеро парней, державшихся особнячком и усевшихся потом в автобусе на задних сиденьях.

Распорядившись посадкой студентов в автобусы преподаватель за несколько минут распределил всех по местам, сел в наш автобус и вышел потом на окраине города. Оставшись без начальства, осмелев, стали знакомиться. На соседних с нами местах сидели две норильчанки — Диана Семенютина и Галя Малькова, Лида Лукьянова из Курейки и Лиза Лежнина из Северо-Енисейска.

Дорога была долгой и тряской. Часа через три автобус остановился в большом селе.

— Рождественское. Пировский район, — объявил молчавший всю дорогу водитель.

По сторонам широкой улицы на большом расстоянии друг от друга стояли какие-то грустные дома. Ни людей, ни собак, ни коров, ни свиней... ни звука, ни крика — тишина. Дверь открылась, в салон вошёл здоровенный мужик с копной чёрных волос, кто-то из парней произнёс: бригадир, наверное. Бригадир осмотрел сидевших, выбрал шесть

девчонок с первых рядов, сказал идти за ним, и мы послушно потопали к отдельно стоящему, судя по тёмным невымытым окнам — заброшенному, дому. Автобус взревел и рванул с места... Остальная группа поехала дальше.

Большой двор встретил нас густыми зарослями ещё зелёной травы (и это в конце августа!). Мы остановились у раскрытой калитки. Бригадир, раздвигая ногами траву, добрёл до сарая, по-хозяйски снял со стены косу и несколькими взмахами скосил траву от калитки до невысокого крыльца. Дверь тяжело, со скрипом, открылась под мощной рукой бригадира.

— Отдыхайте пока в ограде, — глухо пробурчал бригадир, сверкнув в нашу сторону большими голубыми глазами. — Мужиков сейчас отправлю, нары вам сделают и матрасы с одеялами положат. К вечеру поварихи продукты принесут, еду готовить сами будете.

Уставшие от переезда, от новых впечатлений, мы буквально свалились на мягкую траву. Уснули так крепко, что не слышали, как пришли плотники, как они гремели топорами и пилами, устраивая студенткам спальные места. Потом нам рассказала это повариха Светлана, её муж с двумя мужиками траву во дворе косил, нары студенткам сколачивал, раскладывая чёрные матрасы, набитые свежескошенной травой, застилая их «больничными», в крупную клетку, одеялами. Разбудили нас две пышнотелые колхозницы, они представились как Катерина и Светлана:

— Просыпайтесь, студентки! Вечер скоро, пятый час пошёл. Ночью-то что делать будете? И жрать, небось, хотите? Мы вам на ужин картошки сварили, принесли хлеб, колбасу, молоко и сметану. Готовить с завтрашнего дня будете самостоятельно, чайник, кастрюли и другая посуда на столе, приберёте куда нужно, там ещё шкаф есть. Печка работает, мы проверили, вон дым из трубы идёт, дрова есть сухие в сарае. Завтра ещё провизию принесём, голодом сидеть не будете, нам работницы нужны сытые и здоровые. Бригадир сказал, чтобы утром к восьми часам вы были у конторы на разнарядке. Не бойтесь, не дадим проспать — разбудим в семь часов. Мусор мы в комнате вымели, завтра уборщица придёт, полы помоеет, пока вы на работе будете. Потом — самообслуживание: людей у нас лишних нет, все на уборочной.

Встав и осмотревшись, мы были поражены: вся трава во дворе была скошена, остался только примятый нашими телами островок. Попрощавшись, дружелюбные колхозницы пожелали нам приятного аппетита:

— Картошкой не увлекайтесь шибко, оставьте немного на завтрак.

Ещё и семи не было, как кто-то настойчиво постучал в окно:

— Вставайте, девки, работа ждёт!

Быстро умывшись под умывальником, что нам повесили у крыльца и заботливо наполнили водой, перекусив вчерашней холодной картошкой со сметаной, запив чаем, мы дисциплинированно рванули к колхозной конторе. От крыльца уже отходили колхозники, некоторые приветливо с нами здоровались. Бригадир, которого все называли Семёнычем, строго нас оглядел:

— Молодцы, девчата, оделись правильно, а вот верхнок, смотрю, ни у кого нет. Мозоли набьёте без рукавиц. Ладно, будут вам верхонки. Грузитесь на машину.

Кивком головы строгий бригадир указал на стоящий у крыльца бортовой «газик». Посмотрел, как девчата неумело пытались залезть, подошёл, показал, как поставить ногу на колесо и перемахнуть через борт. Меня, как самую маленькую, он просто подхватил под мышки и поставил в кузов:

— Кроха совсем! Какой из тебя работник? А ещё студентка!

— Девчонки, — вдруг сделала открытие Лидка Лукьянова, — а Семёныч-то — одно лицо с нашей, как он говорит, Крохой, посмотрите: волосы, брови, голубые глаза. Уж не родственники ли они? И на руки подхватил как отец родной!

— Да вы что? — взмолилась я. — Мы же все его вчера впервые в автобусе увидели.

Грузовик, подсакивая на неровной дороге, пёр нас через опустевшие кое-где поля. Выросшая в северном посёлке, где на скудной земле за короткое лето едва успевают вырасти картошка с капустой, да ещё терпеливая к заморозкам морковка, я, распахнув глаза, впервые видела, как растут на полях рожь и пшеница, как неторопливо плывущие комбайны, словно бритвой, срезают и обрабатывают

колосья, как густой волной в кузов вовремя подоспевшей машины ссыпается из бункера золотое зерно...

Неловко выбравшись из грузовика, мы оказались в кругу колхозников, если точнее — колхозниц.

— Подмога приехала, — улыбаясь, приветствовали нас они. — Ну, студентки, впрягайтесь в работу — берите лопаты и делайте как мы.

— Стоп, бабы! — остановил инициативу водитель «газика». — Семёныч сказал, что сейчас Никита верхонки привезёт, а без них девчата мозоли на руках в первый же день набьют. Какие из них потом работницы.

Верхонки, а это оказались большие, из тонкого брезента, рукавицы, минут через десять нам привёз примчавшийся на мотоцикле вихрастый и глазастый паренёк.

— Девчата, ручки белые берегите — вечером у клуба танцы, вся молодёжь будет, ждём и вас при полном параде!

— Ага, к вечеру им уже не до танцулек будет, за день с непривычки намахаются лопатами, — засмеялись женщины, дружно сгребая зерно по краям огромной кучи и закидывая его наверх. — Верхонки все надели? Вставайте рядом с нами!

Целый день мы сначала бодренько, а после обеда, что нам привезли поварихи Катерина и Светлана, уже устало и вяло махали деревянными лопатами, но, подбадриваемые женщинами, закидывали зерно всё выше и выше. На первый взгляд работа эта казалось бессмысленной и ненужной. Но это только на первый взгляд... В каком-то киножурнале я уже видела такую вдруг всплывшую в памяти картину: колхозницы, вооружённые лопатами, забрасывают зерно на кучу, не давая ему распластаться на большой площади и загореться от долгого лежания в куче.

Вечером нас, уставших, подвезли прямо к дому. Пыльные и потные, мы, едва перешагнув порог, бухнулись на нары. Но от стола так ароматно несло варёной курицей, что мы буквально сползли со своих матрасов...

— Руки мыть! — Лидкин командирский голос не давал возможности расслабиться.

Не очень резво, вернее — лениво, мы подались на крыльцо. Рядом стояла бочка с согревшейся за солнечный день водой. Дианка зачерпнула ведро и опрокинула часть воды на

меня, кто-то сунул в руку мыло... Продрогшие и отмытые, мы вернулись к столу и только тут почувствовали, что в комнате тепло и от печки несёт таким домашним уютom. Уж точно о нас позаботились эти милые и хозяйственные Катерина со Светланой. Мы поняли, что обед и ужин нам будут обеспечены. Договорились между собой о дежурстве по кухне и уборке жилища. Следить за порядком доверили мне.

Настроение поднялось, когда стали собираться на танцы. Куда только усталость делась?! Мы не могли пропустить это мероприятие. И, конечно, хотелось познакомиться с местной молодёжью.

Рядом с клубом утоптана волейбольная площадка, вот она летом и была местом музыкальных развлечений. Несмотря на тяжёлый рабочий день в поле, к девяти часам на площадке собралось едва ли не полдеревни. Когда мы подходили, из патефона неслась бодрая музыка — с десятков молодых и взрослых пар чинно по кругу танцевали фокстрот. Пары — это девушки с девушками, и лишь несколько пар, видимо, супружеских. В сторонке курила местная элита — парни. Нарядные девчата ревниво шушукались, да так, чтобы мы слышали:

— Ишь, наша-то холостёжь городских ждёт...

Лиза Лежнина, самая шустрая из нас, тут же отреагировала, обратившись к одной из девушек:

— Пусть сейчас кто-нибудь из ваших объявит белый танец: мол, дамы приглашают кавалеров. И тут вы не теряйтесь, хватайте своих парней, а мы пока никого приглашать не будем.

— Белый танец — девушки приглашают парней!

Смельчаки остановились на подороге. Номер удался.

Местные красавицы расхватили своих кавалеров.

Потом, конечно, ребята и нас, приезжих студенток, приглашали, но контакт с молодёжью села состоялся. После рабочего дня мы с местными девчатами и парнями собирались около волейбольной площадки, играли в волейбол, пели комсомольские песни, танцевали...

Раз в неделю, в воскресенье, бригадир объявлял нам выходной день для отдыха и постирушек, как он говорил. Быстренько управившись по хозяйству, мы шли в ближайший лесок. Осень в том году была удивительно тёплой и солнечной — ни

утренних заморозков, ни дождя. А в лесу ещё и жирные опята водились. Иногда даже рыжики попадались. Мы набирали их в заранее приготовленные сумки и сетки, жарили и варили грибные супы. Большую часть относили колхозным кухаркам Светлане и Катерине, кормившим работяг в поле. А потом сельчанки благодарили нас: им в пору уборочной страды было не до грибов — домашние заботы, дети, хозяйство, огород.

Каждое утро мы весело вскакивали с жёстких нар, выбегали во двор, плескались водой из бочки, хотя с каждым днём вода в ней была всё холоднее и холоднее... И работа в поле уже не казалась слишком уж тяжёлой и нудной. Появившиеся в первые дни мозоли на ладонях (верхонки не спасали, потому что просто мешали и сползали с маленьких и нежных девичьих рук) больше не появлялись, за что уж очень зауважали нас сельские бабы.

Месяц в деревне, который в первые дни казался нам таким нескончаемо длинным, пролетал незаметно. Относились к нам в селе по-доброму, с участием, раз в неделю во двор привозили воду, мужики сами заполняли две бочки — одну для кухни, вторую для бытовых нужд. Улыбаясь, говорили:

— Вы девочки городские, хрупкие, будущие учителя, вам тяжести таскать не положено. А мы к работе привычные, и нам в радость помочь таким красоткам.

Как-то вечером, вернувшись с танцев, мы, пригласив местных девушек, с которыми весь день махали лопатами, пили за большим столом чай с принесёнными домашними плюшками. Заглянули к нам и трое ребят, которые обычно организовывали в селе мероприятия. Дверь распахнулась, в комнату вошёл Семёныч, навестивший наше жилище впервые за месяц:

— Чай гоняем, молодёжь? Ну-ну, прощальный ужин — это правильно!

Мы непонимающе уставились на бригадира.

— Парни, а вы что, не сказали студенткам, что завтра за ними приезжает автобус? Всё, девчата, уборочная страда заканчивается, ваша помощь больше не нужна. От всего села, от правления колхоза большое вам спасибо. Прощальных мероприятий не будет — завтра у нас обычный рабочий день. И тебе, Кроха, тоже спасибо! — заулыбался обычно мрачный Семёныч. — Не подвела наречённого отца. Не

ленилась, не ныла и работала наравне со всеми. Тут наши бабы посмеивались, уж не моя ли ты дочь, но потом подсчитали, сколько лет тебе и сколько мне...

— А сколько вам лет, Семёныч? — не удержалась наша Лидка.

— Тридцать два. И не Семёныч я, а просто Семён. Это меня для солидности так называют.

...Автобус подкатил к нашему домику уже после обеда, приготовленного нам добрейшей Светланой. Тут же словно из-под земли вырос Семёныч:

— Ну что, девчата, готовы? Смотрю, вещички уже собрали. Загружайтесь. Провожу вас до околицы.

В автобусе на прежних местах уже сидели все наши девчата и ребята, работавшие в других отделениях колхоза. Мы поздоровались и заняли свои первые места. Бригадир закрыл дверь и встал у выхода. Минут через пять автобус остановился в конце такого же пустого, как и месяц назад, села. Теперь мы понимали, что означает эта тишина: всё взрослое население днём в поле.

Дверь открылась, Семёныч спрыгнул на землю, поднял руку, прощаясь с нами, а мы шестеро, не сговариваясь, выпорхнули из автобуса и облепили его. Высокая Диана звонко чмокнула бригадира в щёку:

— Это от всех нас!

Сидящие в автобусе студенты повскакивали с мест и дружно зааплодировали.

Обратный путь в город был каким-то грустным. В автобусе было тихо, ни разговоров, ни смеха — все смотрели в окна, словно прощаясь с этими ставшими дорогими просторами, опустевшими полями без комбайнов, машин и тракторов.

Этот месяц в деревне, я уверена, остался в памяти моих сверстников, впервые окунувшихся в сельскую жизнь, познавших, пусть и не в полной мере, тяжёлый труд этих простых и добросердечных людей, почувствовавших к ним искреннее тепло и уважение...